

О ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПАХ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА: ВЛИЯНИЕ СМИ

ТУЛЕГЕНОВА Альбина Георгиевна – канд. пед. наук, доцент, Таврическая академия КФУ им. В.И. Вернадского, РК, г. Симферополь. E-mail: tylegenov@rambler.ru

КАБАНОВА Мария Владимировна – магистрант, Таврическая академия КФУ им. В.И. Вернадского, РК, г. Симферополь. E-mail: www.mary_k@mail.ru

Аннотация. В представленной работе рассматриваются некоторые вопросы применения гендерного подхода к анализу работы высшей школы. Показано влияние языковых средств, используемых в СМИ, на формирование гендерных стереотипов, которые можно соотносить с профессией преподавателя вуза. Новизна данной работы заключается в систематизации и классификации различных гендерных стереотипов, а также в анализе языковых средств их выражения в современных англоязычных СМИ. Дается обоснование появления и использования новых лексических единиц, фиксирующих изменения в оценке гендерных ролей. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о плюральной маскулинности как инструменте реализации гендерной роли преподавателя вуза.

Ключевые слова: гендерный стереотип, гендерный образ, языковые средства СМИ, преподаватель высшей школы

Для цитирования: Тулегенова А.Г., Кабанова М.В. О гендерных стереотипах преподавателя вуза // Высшее образование в России. 2015. Т. 24. № 12. С. 89–95.

Педагогические аспекты гендерной проблематики находятся сегодня на периферии отечественных научных исследований¹. Перечень педагогических диссертаций по рассматриваемой проблеме невелик, а научные разработки в этой области, по мнению Е.Н. Каменской [1], до сих пор не имеют целостной концепции, хотя общепризнанным является положение о том, что становление гендерной идентичности имеет безусловное значение для гармоничного и полноценного развития личности. При этом, как справедливо отмечает А.В. Штылева, введение близких по значению педагогических терминов (“половое воспитание”, “полоролевое воспитание”, “полоролевая социализация” и пр.) не только не отражает сути явления гендерной социализации индивида, но и затрудняет его понимание в силу того, что в российской куль-

туре имеются многочисленные семантические значения слова «пол» [2].

Напомним, что понятие «гендер» было заимствовано отечественными исследователями у зарубежных коллег в 1980-е гг. Современная наука различает термины «пол» (sex) и «гендер» (gender). Первое ограничивается анатомо-физиологическими свойствами и особенностями, в силу которых человеческие существа делятся на мужчин и женщин. То есть пол – это биологическое различие между людьми. Однако кроме биологических, существуют также различия их социальных ролей, различия в поведении и эмоциональных характеристиках. Для обозначения социального взаимодействия мужчин и женщин и используется английское слово «гендер». Это понятие включает социальный статус и социально-психологическую характеристику личнос-

¹ В начале 2000-х гг. в журнале «Высшее образование в России» в рубрике «Высшая школа: гендерная парадигма» (2001. № 2. С. 67–106; 2001. № 3. С. 67–78; 2001. № 4. С. 102–117; 2001. № 6. С. 112–129; 2004. № 3. С. 122–144; № 10. С. 127–149) были опубликованы 16 статей на эту тему. Позднее эта рубрика вследствие угасания исследовательского интереса, к сожалению, исчезла.

ти, которая связана с полом и сексуальностью, но формируется благодаря социальным связям человека. «Гендер» часто называют социальным полом, так как в различных ситуациях и обстоятельствах социально детерминированные роли, идентичности и сферы деятельности мужчин и женщин могут меняться. Таким образом, как подчеркивают В.И. Вдовюк и С.А. Рыков, центральное место в области гендерных исследований занимает изучение различий и сходств в социальном поведении полов [3].

Исходя из этого, гендерный подход можно применять при изучении моделей половой идентификации и самореализации в воспитании и обучении молодежи. Надо сказать, что вопрос о влиянии гендерных особенностей студентов и преподавателей на практику образовательного процесса высшей школы изучен не в полной мере. Кроме того, исследователи останавливаются, как правило, на учете гендерных особенностей обучаемых. Их проявления в деятельности преподавателей, восприятие студентами гендерных характеристик педагога, а также соответствие последних гендерным стереотипам, сформированным у молодых людей средствами массовой информации, остаются за скобками. В качестве цели данной статьи предлагается обсуждение некоторых проблем, связанных с гендерными характеристиками преподавателей вузов, и даются практические рекомендации для их решения.

Высшая школа не является, конечно, единственным агентом формирования гендерной идентичности молодых людей. Более того, вопросы социально-психологической и психосексуальной адаптации подрастающего поколения существенно осложняют педагогический процесс [4; 5]. Школа как отражение реалий общества сталкивается с проблемой межполовых отношений, следствием чего становятся нарастающие дегенеративные проявления в системе образования [6]. Данное положение

вещей в полной мере относится и к системе высшего образования, хотя так называемая «гендерная асимметрия» вузы затронула в меньшей мере. Как бы то ни было, в среде студенческой молодежи и в сообществе вузовских преподавателей гендерная асимметрия проявляет себя как в ценностных приоритетах, так и в построении карьерной лестницы [7].

В связи с этим возникает необходимость формирования в студенческой среде правильных образцов социальных ролей без размывания границ и нарастающей гендерной дискриминации, на почве которых могут появляться безразличие и жестокость в отношениях между полами. Полезным решением в этом плане является акцент на диалогичности в процессе обучения. К сожалению, в наших вузах не до конца изжит ориентация на «среднюю личность», глубоко укоренившаяся в предшествующий период. Многие опытные педагоги выработали свой стиль преподавания в эпоху «качественного» советского образования, для которого характерно отношение к студентам как к бесполой аудитории [8]. Современный подход к решению этой проблемы позволяет заменять подобные обращения словом «коллеги», что гораздо эффективнее влияет на студента, приобщая его к сообществу профессионалов.

Отражением изменений, происходящих в обществе, в первую очередь является язык. При этом именно СМИ выступают сегодня инструментом формирования и трансформации быденного сознания, аккумулируют гендерно маркированные языковые средства. Представления о мужественности и женственности неодинаковы в различные эпохи, в разных социальных и экономических условиях, в разных культурных и национальных средах. Между тем, согласно данным Е.Р. Ярской-Смирновой, в российских учебниках и учебных пособиях гендерный подход в полной мере не отражается. По её мнению, наибольшее распространение «гендер» как концепция

находит в учебных пособиях, написанных на иностранном материале [9]. Анализ учебной литературы по социологии был принят Н.Н. Козловой [10]. Основная задача исследования заключалась в выявлении андроцентризма языка. Проводя гендерную экспертизу учебной литературы, Н.Н. Козлова отмечает, что, в отличие от современных западных учебников, всего лишь один учебник по социологии российских авторов (под ред. П.Д. Павленка) включает тему «Социология пола и гендерных отношений» в качестве отдельной главы. Данное положение подтверждают материалы, представленные Е.Р. Ярской-Смирновой.

Новизна нашей работы заключается в систематизации и классификации различных гендерных стереотипов, а также в анализе языковых средств их выражения в современных англоязычных СМИ. Такой подход позволяет конкретизировать образ мужчины-преподавателя посредством выявления, отбора, систематизации, анализа и классификации языковых средств, используемых в СМИ для выражения гендерных стереотипов. Объектом исследования явились гендерные стереотипы, а предметом – языковые средства выявленных стереотипов в современном английском языке. Материалом исследования послужили современные англоязычные журналы и газеты, такие как *The Daily Telegraph*, *Men's Health*, *Only My Health*, *The Sunday Telegraph* и др. Методика исследования включала методы сплошной выборки, семантического анализа, сопоставительный и контекстуальный, а также количественные методики изучения текстов. Использовались методы когнитивного анализа и дефинитивного анализа.

В итоге можно констатировать, что «мужественность» как гендерная категория конструируется в языковой системе с помощью институтов масс-медиа, которые активно участвуют в процессе формирования повседневных стереотипов. Понятие

мужественности рассматривалось нами с разных сторон, что позволило обосновать утверждение о разнообразии мужских образов. Кроме того, в исследовании установлено, что категоризация лексических единиц носит условный характер, а в их значениях наличествует поляризация оценок по многим оппозициям, например: мужественность – немужественность; традиционное – новое; положительное – отрицательное.

Современная журналистика как явление массовой культуры невозможна без устойчивых, стереотипных представлений о должном и не должном, положительном и отрицательном. Согласно классификации С. Поллака [11], существует четыре стереотипных идеала, формирующих мужской гендерный образ:

- «Sturdy Oak» (крепкий дуб – здесь и далее перевод А.В. Кирилиной) – апеллирует к мужскому стоицизму и научению маленького мальчика не делиться своей болью или открыто горевать;
- «Give 'em Hell» (покажи им, где раки зимуют) – создает ложную «самость» из отваги, бравады, любви к насилию;
- «Big Wheel» (крутой парень) – подчеркивает потребность в достижении высокого статуса и власти, влияния любой ценой;
- «No Sissy Stuff» (без соплей) – по С. Поллаку, наиболее травматичный для ребенка стереотип – осуждение выражения мальчиком любых сильных или теплых чувств, привязанности, зависимости и всего, что считается «женственным» и, следовательно, неприемлемым или табуированным.

Существует несколько так называемых «сценариев маскулинности», каждый из которых предполагает определенную завершенность, то есть ощущение личностной состоятельности и относительной успешности, понимаемой как соответствие доминирующим нормам. Стереотип успешной маскулинности включает не только хорошо оплачиваемую профессиональную

работу, но и признание своей состоятельности со стороны ближайшего социального окружения. Понятно, что мужчина, избравший профессию преподавателя вуза, не соответствует обозначенным параметрам в полной мере.

Исследователи высказывают идею, что более корректно говорить о многочисленных мужественностях (так называемой плюральной маскулинности – различных её типах, наделенных определенным этосом, то есть сходными нормами и правилами поведения, а также этическими ценностями). Другими словами, признается важность влияния расы, национальности, принадлежности к определенному социальному классу и субкультуре, сексуальной ориентации на то, что вкладывается в понятие «мужественность». Вероятно, одна из задач высшей школы – сформировать у студентов представление о многогранном проявлении маскулинности, что позволит избежать комплекса неполноценности у юношей и мужчин, не соответствующих стереотипному восприятию успешной маскулинности, и повысит авторитет и статус мужчин-преподавателей. Это тем более важно, что, как отмечает В.А. Суковатая, «у некоторых юношей, воспитанных в культуре “идеализированного мачизма”, внедрение феминистских дисциплин, настаивающих на гендерном, расовом, религиозном и сексуальном равенстве, вызывает гнев и раздражение» [12, с. 149]. В этой ситуации неправильным поведением со стороны педагога будет «акцент на нигилировании “мужественности” и обвинение конкретных студентов как представителей мужского пола в многовековой женской дискриминации» [Там же].

Р. Коннелл сделала вывод о необходимости разграничения разных типов маскулинности и определении среди них стереотипа гегемонной маскулинности (*hegemonic masculinity*) [13]. Согласно этой теории, хотя в любом мужском сообществе существует не один, а несколько типов мас-

кулинности, на вершине иерархии обычно находится тип личности, для которого характерны утверждение мужской власти над женщинами и подчиненными мужчинами, культ физической силы, склонность к насилию, эмоциональная невыразительность и высокая соревновательность [14]. При этом Р. Коннелл критически относится к трактовке гегемонной версии маскулинности как «нормы». И. Кон рассматривает гегемонную маскулинность не как свойство конкретного мужчины, а как определенный социокультурный канон, на который ориентируются мужчины и мальчики [15]. Эта нормативная структура обеспечивает мальчику или мужчине, который предположительно обладает этими качествами и разделяет эти ценности, положение на вершине гендерной иерархии.

Наряду с гегемонной маскулинностью в литературе выделяют «маскулинность соучастников» [16], или «соучаствующую маскулинность» (*complicit masculinity*) – модель поведения тех мужчин, которые из-за недостатка сил или желания не прилагают усилий, чтобы занять гегемонную позицию [17]. Через «соучаствующую маскулинность» они занимают подчиненную, вспомогательную роль, но при этом пользуются преимуществами в иерархической системе.

В ходе нашей работы были отобраны единицы, используемые СМИ для обозначения оппозиции мужественности/немужественности, например: «Gentleman», «Gatsby», «Macho», «Prince», «Knight», «The member of male species» – для обозначения стопроцентной маскулинности. «Eat like a warrior (название статьи). Keep your nutrition right on target with these secret weapons. They powered history's greatest warriors, and they'll fuel your success, too». А другие лексические единицы употребляются с компонентом немужественности: «Less-than-regal gentleman», «Sissy», «Toff», «Hooligan». Чтобы определить оценочность номинаций, необходим

контекст, с помощью которого она эксплицируется: "... *Today wars are started by sissies*", "... *Skipping is not for sissies*".

Рассмотрим бытование стереотипа на примере текста из журнала *Only My Health*: "*Conventional wisdom would have us believe that men seek quantity while women want quality*" [18]. Анализ лексического окружения позволяет выделить словосочетание «конвенциональная мудрость»; оно является устоявшимся в западной культуре термином, используемым для описания идей или объяснений, которые принимаются как верные [19]. Подобный оборот речи подчеркивает, что высказыванию можно верить, иными словами, оно укоренилось в виде стереотипа. Данный стереотип придает информации, поступающей из уст мужчины-преподавателя, более значимый и неоспоримый характер.

Значительное количество статей посвящено заботе мужчин о своей внешности. "*A narcissist man also falls under the category of those types of men you can surely do without. Such men introduce themselves as loving and caring though eventually separate you from your friends, family (...)* He can easily drop your self-esteem to an irreversible low and make you feel as if you are worth nothing better". Использование гендерной номинации *narcissist man* переводится как «самовлюбленный человек». Эта номинация имеет негативную оценочность, что получает подтверждение благодаря дальнейшему контексту. Однако относительно мужчины-преподавателя оценочность этой номинации не однозначна, ибо небрежность в одежде, пренебрежение к своему внешнему виду для него так же пагубны, как и чрезмерная забота о своей внешности. Вот почему анализ явлений, подразумеваемых тематикой гендерных особенностей идеального и реального образа современного мужчины, и в частности мужчины-преподавателя, в наши дни особенно актуален.

Подводя итог сказанному, можно сде-

лать вывод, что социальные роли четко не закреплены в обществе, и это позволяет прогнозировать перспективу изменения мужских гендерных стереотипов, в том числе и по отношению к субъектам высшей школы. По всей вероятности, такой подход может помочь преодолеть гендерный алармизм, который проявляется в том, что любые трансформации в области половых ролей рассматриваются педагогической аудиторией как угроза сохранению семьи и устоев общества [20, с. 145].

Литература

1. Каменская Е.Н. Гендерный подход в педагогике: автореф. дисс. докт. пед. наук. Ростов н/Д, 2006. 36 с.
2. Штылева А.В. Педагогика и гендер: развитие гендерных подходов в образовании // Женщина в российском обществе. 2000. № 3. URL: <http://www.ivanovo.ac.ru/win1251/jornal/>
3. Вдовюк В., Рыков С. Гендерные исследования в педагогике // Высшее образование в России. 2001. № 4. С. 110–117.
4. Шаповаленко И.В. Возрастная психология. М.: Гардарики, 2005. 348 с.
5. Градусова А.В. Гендерная педагогика: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 176 с.
6. Белгородский институт развития образования: особенности гендерного обучения. URL: http://ipkps.bsu.edu.ru/source/bel_school/gend_obuch.pdf
7. Силласте Г. Гендерная асимметрия как фактор карьерного роста женщин // Высшее образование в России. 2004. № 3. С. 122–132.
8. Гендерное образование: учеб. пособие / Под общ. ред. А.И. Столярчук. Краснодар: Просвещение-Юг, 2011. 386 с.
9. Ярская-Смирнова Е. Социальная работа: гендерный анализ учебной литературы // Высшее образование в России. 2004. № 10. С. 127–142.
10. Козлова Н. Гендерная ревизия учебных пособий по политологии // Высшее образование в России. 2004. № 3. С. 140–144.
11. Pollack W.S. Deconstructing Dis-Identification: Returning Psychoanalytic Concepts of

- Male Development // Psychoanalysis and Psychotherapy. 1995. № 12. С. 30–45.
12. Суковатая В. Феминистская педагогика как практика мультикультурализма // Высшее образование в России. 2004. № 10. С. 147–149.
 13. Коннелл Р. Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. Ч. 2. Хрестоматия. СПб.: Алетейя, 2001. С. 251–279.
 14. Connell R.W. Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics. Cambridge: Polity Press, 1987. P. 91–119.
 15. Кон И.С. Пол и гендер // Андрология и генитальная хирургия. 2009. № 19. С. 12–15.
 16. Messner M.A. Politics of Masculinities. Men in Movements. L.: Sage, 1997.
 17. Brannon R. Male Roles and the Male Experience: Introduction // Journal of Social Issues. 1978. № 34. С. 1–4.
 18. Men's Health // Only My Health. URL: <http://www.menshealth.com/>
 19. Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола (часть III Половая идентификация и воспроизводство материнства) // Антология гендерной теории / Сост. и комм. Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой. Мн.: ПроPILEI, 2000. С. 29–76.
 20. Штылева Л. Институционализация гендерного подхода // Высшее образование в России. 2004. № 10. С. 142–146.

Статья поступила в редакцию 30.08.15.

ABOUT GENDER STEREOTYPES OF UNIVERSITY TEACHERS: THE MASS MEDIA EFFECT

TULEGENOVA Albina G. – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., KFU Taurida Academy of V.I. Vernadsky, RK, Simferopol, Russia E-mail: tulegenov@rambler.ru

KABANOVA Maria V. – Master's Degree student, KFU Taurida Academy of V.I. Vernadsky, RK, Simferopol, Russia. E-mail: www.mary_k@mail.ru

Abstract. The paper examines some of the challenges in applying a gender approach to the analysis of faculty activities. The effect of the language tools used in the media is shown. Also the usage of specific units is considered to affect the formation of gender stereotypes, which can be correlated with the profession of a University teacher. The novelty of this work is to systematize and classify different gender stereotypes, and also to analyze the language means in the modern media in English. In this paper the emergence and the use of new lexical units that mark changes in the assessment of gender roles is justified. The results of the study allow us to conclude that plural masculinities have become a tool for implementing gender roles of University teachers.

Keywords: gender stereotype, gender, language means of the media, university teacher

Cite as: Tulegenova, A.G., Kabanova, M.V. (2015). About Gender Stereotypes of University Teachers: The Mass Media Effect. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 12, pp. 89-95. (In Russ., abstract in Eng.)

References

1. Kamenskaya, E.N. (2006). *Gendernyi podkhod v pedagogike* [The Gender Approach in Pedagogy: Doct. Diss.]. Rostov-on-Don, 36 p. (In Russ.)
2. Shtyleva, L.V. (2000). [Pedagogy and gender: the development of gender approaches in education]. *Zhenshchina v rossiyskom obschestve* [A Woman in Russian Society] No. 3. Available at: <http://www.ivanovo.ac.ru/win1251/jornal/> (In Russ.)
3. Vdovyuk, V., Rykov, S. (2001). [Gender Studies in Pedagogy]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 4, pp. 110-117 (In Russ.)
4. Shapovalenko, I.V. (2005). *Vozrastnaya psikhologiya* [Developmental Psychology]. Moscow: Gardariki Publ., 348 p. (In Russ.)

5. Gradusova, L.V. (2011). *Gendernaya pedagogika* [Gender Pedagogy: Tutorial]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 176 p. (In Russ.)
6. *Belgorodskii institut razvitiya obrazovaniya: osobennosti gendernogo obucheniya* [Characteristics of Gender Teaching. Materials of the Belgorod Institute of Education Development]. Available at: http://ipkps.bsu.edu.ru/source/bel_school/gend_obuch.pdf (In Russ.)
7. Sillaste, G. (2004). [Gender Asymmetry as a Factor of Women's Promotion]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 3, pp. 122-132. (In Russ.)
8. Stolyarchuk, L.I. (Ed) (2011). *Gendernoe obrazovanie* [Gender Study: Tutorial]. Krasnodar: Prosveshchenie-Yug Publ., 386 p. (In Russ.)
9. Yarskaya-Smirnova, E. (2004). [Social Work: Gender Analysis of Textbooks]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 10, pp. 127-142. (In Russ.)
10. Kozlova, N. (2004). [Gender Audit of Textbooks in Political Science]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 3, pp. 140-144. (In Russ.)
11. Pollack, W.S. (1995). Deconstructing Dis-Identification: Returning Psychoanalytic Concepts of Male Development. *Psychoanalysis and Psychotherapy*. No. 12, pp. 30-45.
12. Sukovataya, V. (2004). [Feminist Pedagogy as a Practice of Multiculturalism]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 10, pp. 147-149. (In Russ.)
13. Connell, R. (2001). [Masculinities and Globalization]. *Vvedenie v gendernye issledovaniya. Ch. 2. Khbrestomatiya* [Introduction to Gender Research. Part 2]. SPb.: Aletheia Publ., pp. 251-279. (In Russ.)
14. Connell, R.W. (1987). *Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics*. Cambridge: Polity Press, pp. 91-119.
15. Kon, I.S. (2009). [Sex and Gender]. *Andrologiya i genital'naya khirurgiya* [Andrology and Genital Surgery]. No. 19, pp. 12-15. (In Russ.)
16. Messner, M.A. (1997). *Politics of Masculinities. Men in Movements*. L.: Sage.
17. Brannon, R. (1978). Male Roles and the Male Experience: Introduction. *Journal of Social Issues*. No. 34, pp. 1-4.
18. Men's Health. Online Magazine. Available at: <http://www.menshealth.com/>
19. Chodorow, N. (2000). [The Reproduction of Mothering Psychoanalysis and the Sociology of Gender] *Polovaya identifikaciya i vosproizvodstvo materinstva* [Sexual Identity and the Reproduction of Mothering] *Antologiya gendernoy teorii* [Anthology of Gender Theory]. Minsk: Propilei Publ., pp. 29-76. (In Russ.)
20. Shtyleva, L. (2004). [The Institutionalization of the Gender Approach]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 10, pp. 142-146. (In Russ.)

The paper was submitted 30.08.15.

